

мику, как делают авторы фундаментальных жизнеописаний Шекспира. Однако бенгальский шекспировед с осторожностью и последовательностью отбирает факты, выкристаллизованные, обработанные за несколько веков существования шекспироведческой науки, и в результате на страницах небольшой книги вырисовывается человечески понятный облик Шекспира.

Особенно выразительно показан Шекспир на фоне современного ему Лондона: известны некоторые домашние адреса Шекспира, в частности, на Бишопсгейт-стрит, мы знаем, где находился Театр Бербеджа, где стоял знаменитый «Глобус», и вот Шекспир движется через весь город, который тогда, правда, был в диаметре не более двух миль. Столь же удачны страницы, посвященные истории публикации посмертного собрания шекспировских пьес, так называемого «первого Фолио» (1623). Здесь вырисовывается фигура Бена Джонсона, которого связывала с Шекспиром особая дружба — соперничество. Тут — Геминдж и Кондел, актеры шекспировской труппы и впоследствии редакторы-составители «Фолио».

В 1955 году на Шекспировской конференции Всероссийского театрального общества в Москве профессор Рай рассказывал о признании и почитании Шекспира в Индии. Очерк «Любовь бенгальцев к Шекспиру», приложенный к книге, охватывает эту же тему. Характерной чертой «Бенгальского Возрождения» (конец XVIII — начало XIX столетия) был, отмечает профессор Рай, большой интерес к драматургии Шекспира. Он показывает затем удивительную личность — ученого и поэта Г. Л. В. Дерозо, скончавшегося в возрасте двадцати трех лет (1831), однако успевшего много сделать для пробуждения национального самосознания индийцев, а также в раскрытии для них Шекспира. Очерк, как и вся книга, символически завершается стихами Рабин-

драната Тагора, посвященными Шекспиру и написанными в трехсотлетнюю годовщину его смерти (1916).

На Шекспировской конференции в Москве профессор Рай говорил также о том, каким уважением среди индийских исследователей Шекспира пользуются работы советских шекспироведов. И вот, приводя в конце своей книжки список трудов, на которые опирался, профессор Рай указывает в узком кругу наиболее основательных шекспироведческих книг: «Шекспир» М. М. Морозова (1956), его же «Избранные статьи и переводы» (1954). Здесь и «История английской литературы» А. А. Аникста (1956). В то время, когда профессор Рай составлял свой очерк, до него, видимо, еще не дошли книги советских шекспироведов, появившиеся в юбилейный шекспировский год (1964).

Труд профессора Нирендрата Рая — удачное прибавление к тем индийским работам о Шекспире, которые он перечислил в библиографии. Так, рядом с Шекспиром природным, английским становится индийский Шекспир.

Д. УРНОВ

ЕМЕЛЬКА, ЦАРИЦА САВСКАЯ И ГЕРБЕРТ МАРШАЛЛ

Voznesensky: Selected Poems.
New York, Hill and Wang, 1966.

Музы требовательны к своим служителям. Переводчику рекомендуется знать родной язык. Не лишним также представляется хотя бы умеренное знание языка, с которого делается перевод.

Переводчик должен иметь общее представление о стране, давшей миру переводимый текст, об ее истории, географии, реалиях быта.

При всей обременительности этих требований, они, видимо, неизбежны, и человеку, им не удовлетворяющему, лучше писать стихи, чем переводить их. Предмет настоящих заметок — том стихов под названием «Вознесенский. Избранные стихи» в переводе на английский язык Герберта Маршалла.

Сборник состоит из предисловия, переводов стихов и примечаний.

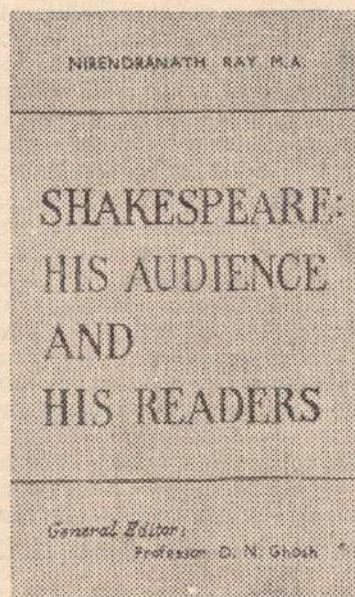
Начнем, пожалуй, с переводов и попытаемся установить, в какой мере переводчик Г. Маршалл соответствует требованиям своей суровой музы.

Андрей Вознесенский пишет в поэме «Мастера»:

Бросьте, дети бисовы,
Кельмы и резцы.
Не мечите бисером
Изразцы...

Г. Маршалл переводит:

Бросьте, ребята, выходящие на «бис!»,
Кельмы и резцы — ваши.
Не мечите жемчуг
Перед изразцами.

Вознесенский:

В звезды метишь, дороги месишь...
Меж столешниковских афиш,
Несмысленн^ш,
о^лешка,
самочка,
Запахавшаяся, стоишь!
(«Кто ты?»)

Маршалл:

Прицеливаешься в звезды, а подметаешь
лу^жи...
...Меж столешниковских киосков
Олень,
тигрица,
полудурок,
Запахавшаяся, стоишь!

И конечно же примечание: «Киоск означает доску для объявлений». Где означает? У Вознесенского этого просто нет, а в русском и в английском языке это слово означает приблизительно одно и то же.

Примеры, как говорится, можно умножить.

Вознесенский:

В ревью
танцовщица раздевается, ду^ря.

Г. Маршалл:

В ревью
танцовщица раздевается, глупость
обнажена.

Вознесенский:

На горе мальтузианству

Маршалл:

По горе мальтузианства

Вознесенский:

Мост парит.

Г. Маршалл:

Мост исходит паром.

В «Вынужденном отступлении» из поэмы «Треугольная груша» Вознесенский пишет:

17 лбов из ФБР —
В-р-р-р!

Не мудрствуя лукаво, Г. Маршалл так и переводит «лоб» как brow. Довольно широко известно, что существуют части тела, названия которых как в английском, так и в русском языках используются для обозначения всего человека. Однако в отличие от русского языка, в английском слово «лоб» не входит в их число.

Самое неприятное, что может быть в переводчике поэзии, это глухота, неумение (или снисходительное нежелание) понять образный строй и тональность стиха.

Стихотворение «Маяковский в Париже» написано на Вы, и невозможно представить себе, чтобы Вознесенский решился на развязное «Володя» по отношению к великому поэту, произвольно вставленное Маршаллом.

Трагедия безысходности Мерилин Монро оборачивается в переводе Маршалла ординарнейшей жадностью, и достигается это очень простым способом.

Вознесенский:

Изнемогают, хотя^т
машины
Невыносимо,
невыносимо.
Лицом в сиденьях, пропахших псиной!

Маршалл:

Они изнемогают, так им хочется машин
Невыносимо,
невыносимо.
Эти лица в сиденьях, пропахших псиной.

Можно возразить, в конце концов: если перевод — искусство, то не всех же отметил господь бог талантом. Не слишком ли много мы требуем от Маршалла?

Андрея Вознесенского справедливо считают трудным поэтом, и его переводчикам можно только посочувствовать. Нелегко передать на иностранном языке ритмы и мелодию его стиха, и Г. Маршалл поступает правильно, даже не пытаясь это сделать; трудны для перевода и его неожиданные ассоциации.

Может быть, Вознесенский вообще непереводим? Но вот совсем недавно в том же Нью-Йорке вышли «Антимиры» в отличном, по утверждению американской критики, переводе. Их перевела талантливая группа поэтов во главе с У. Оденем. Книге предпосланы слова Роберта Лоуэлла:

«Вознесенский — трудный поэт, и он учился у трудных поэтов. Однако он понятен широчайшей аудитории, и это побуждает его выражать самые невероятные мысли и изощренные образы живым языком с разговорными интонациями».

Значит — можно?

Если поэтическое произведение не стало в переводе Г. Маршалла фактом англоязычной литературы, то это не вина его, а беда. Талант — категория, трудно поддающаяся определению, но вот добросовестность — это просто качество порядочного человека. Предисловие же и примечания — это труд самого Маршалла, и здесь нелегко найти обстоятельства, которые могли бы смягчить его вину.

Г. Маршалл является перед читателем в двух ипостасях — переводчика и критика, специалиста по советской литературе и, кстати, по всему советскому.

Предисловие Г. Маршалл озаглавил довольно широковежательно — «Поэт в России».

Прежде всего в предисловии обращает на себя внимание отсутствие даже скромных попыток разбора творческой манеры Андрея Вознесенского и энциклопедическое невежество Г. Маршалла во всем, что касается нашей страны. Впрочем, пожалуй, следует сделать оговорку — предисловием

можно пользоваться как уникальным справочным пособием: больше нигде нельзя прочесть о таких «фактах» в жизни советской литературы, как, например, недавний арест Евгения Евтушенко на вечере в Колонном зале, и о том, как драматически отбивала публика любимого поэта от «вооруженной полиции». Немалый интерес для исследователей творчества Леонида Мартынова представляет рассказ о том, как он был репрессирован в «годы сталинского террора».

Любители молодой советской поэзии с понятным волнением обнаружат, что Белла Ахмадулина была продавщицей: тоже, надо полагать, в результате преследований. Если к тому же вспомнить, что сам Вознесенский действительно готовился стать архитектором, то картина подавления таланта в СССР становится просто кошмарной.

Самое важное для критика — безупречная стройность и логичность концепции. С фактами следует считаться в двух случаях: если они укладываются в концепцию (это просто) или если, мешая концепции, они настолько общеизвестны, что их трудно обойти. Во втором случае факты рекомендуются препарировать.

Г. Маршаллу трудно обойти молчанием огромную популярность поэзии в нашей стране, непризнание этого факта снижает убедительность мрачной картины гонений на свободу художника в СССР, вернее, на ее рудименты, нечаянно выжившие под пятой диктатуры пролетариата, замысловатым образом отождествленной Маршаллом с культом личности, — иными словами, рушится основная концепция.

Описав читателям вечер в Лужниках в 1962 году, не забыв отметить, что «слушатели хорошо приняли мои переводы из Маяковского», Г. Маршалл сообщает: президенту вечера, как ему, Маршаллу, было известно, «боялся открытой демонстрации, поэтому больше такие вечера не проводились».

Читателю, простоявшему ночь — пусть даже теплую и летнюю — в очереди за билетами на недавно состоявшийся в Лужниках вечер поэзии в пользу Вьетнама, позволительно опять-таки усомниться в добросовестности Маршалла или его информированности.

Читая Вознесенского в переводах Г. Маршалла, вообще можно усомниться, о России ли его стихи. Книгу переводов Г. Маршалла населяют странные существа. Там происходят нелепейшие вещи. Где у Вознесенского «на снегу горят ножи», у Г. Маршалла появляются ноги, шагающие в снегу. Мужчина там поименован: «Митьки Филина». Читатель может догадаться, что это родительный падеж, но Г. Маршалл так поглощен поисками второго смысла стихов, что ему не до грамматики.

В предисловии говорится, конечно, и о противостоянии в советской литературе поколения «отцов» и «детей». Усиленно стараясь разницу между поколениями сделать рознью между ними, Г. Маршалл цитирует

эпigramму Сергея Васильева на Евтушенко: «Разные хотенья Евтушенко Евгенья» и при этом мастерски использует свое незнание русского языка. Эпigramма кончается строчками:

...даже собственную маму
в эту музыку втраплю.

Маршалл переводит.

я хочу отравить даже собственную мать.

Зловещий смысл, который получает эпigramма, таким образом обработанная, может испугать кого угодно.

Вообще страшно подумать, сколько упускаешь в советском аду без надежного Вергилия — Маршалла!

Разве, допустим, можно без него узнать, что чуваша — это племя бывших кочевников, населяющее северные арктические районы СССР (примечание к «Вечеру на стройке»), или что Вирсавия — это озеро в Эстонии (примечание к «Балладе о работе»)?

В справочных изданиях содержатся на этот счет другие сведения, но кто не знает — «все врут календари», а уж советские!

Возникает, однако, вопрос: а что, если смысленный читатель проредет сквозь чащу маршалловского перевода и поймет, что Андрей Вознесенский пишет совсем не так, как его читает Г. Маршалл?

Эта мысль явно гложет Г. Маршалла, и, покрепче схватив читателя за руку, он возглашает:

«Гражданину западноевропейской страны или США трудно понять положение вещей в Советском Союзе, особенно — положение художника... Произведения Вознесенского, Евтушенко и других поэтов, мыслящих, как они, должны рассматриваться в особом плане, и только тогда их можно правильно понять».

У. Оден подходит к стихам Андрея Вознесенского по-иному.

«...Каждое его слово, — пишет Оден, — даже когда он настроен критически, говорит о глубокой любви к родине и ее традициям. Я хочу особенно подчеркнуть это: существует опасность, что мы не поймем Вознесенского, если в сегодняшней политической атмосфере будем рассматривать его творчество с точки зрения идеологии, а не так, как мы читаем поэзию своих соотечественников».

Нелегко выбрать самое нелепое и безграмотное из маршалловского опуса, но самое трогательное, пожалуй, можно.

«Емелька, — пишет Г. Маршалл и заботливо уточняет: — Емельян Пугачев — это первооткрыватель Сибири». На вопрос: а как же теперь быть с Ермаком? — Г. Маршалл ответа не дает.

Из Библии никому не было ясно, бывала ли вообще в России царица Савская, но Г. Маршалл, Библию, очевидно, не читавший и не потрудившийся заглянуть в обыкновенный словарь, отрекомендовал ее в примечании к «Балладе о работе» «одной

из русских цариц, покровительницей искусств, неоднократно изображавшейся художниками».

По крайней мере, в одном труд Г. Маршалла не оставляет сомнений — литература занимает его постольку-поскольку, а вот провокационным политиканством он занимается всерьез. Должно быть, поэтому он собрал в предисловии почти полную коллекцию высказываний западных толкователей советской литературы от навязшей в зубах проблемы свободы творчества до наисвежайших сенсаций.

Можно было бы еще очень долго перечислять нелепости — иные порожденные неве-

жеством, иные злобные, иные мелкие, в сумме составляющие предисловие Г. Маршалла, — но рамки настоящих заметок просто не позволяют этого.

Естественно, что нас всегда радует появление переводов произведений нашей литературы, но как хотелось бы, чтобы зарубежный читатель мог знакомиться с переводами настоящими, талантливыми и имел бы возможность самостоятельно делать выводы из прочитанного, без сомнительной помощи добровольцев из публики типа Г. Маршалла.

М. НИКОЛАЕВ

